

M. M. Макарцев

КАК УЗНАТЬ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ИНОГО МИРА (ПО БАЛКАНСКОЙ «БАЛЛАДЕ О МЕРТВОМ БРАТЕ»)¹

„Graut Liebchen auch? Der Mond scheint hell!

Hurrah! die Todten reiten schnell!

Graut Liebchen auch vor Todten?“ –

„Ach! Laß sie ruhn, die Todten.“

Lenore (1773 oder 1774)

von Gottfried August Bürger

В архетипической модели мира представители иного (нижнего) мира, мира мертвых, могут принимать активное участие в жизни живых, иногда благотворное,² но чаще направленное на причинение зла.³ Чтобы обезопасить себя, человеку, живущему в этом мире, необходимо умение распознавать чужого. Самым надежным инструментом распознавания оказываются пять чувств: зрение, слух, вкус, обоняние, осязание. Пяти чувствам соответствуют пять кодов модели мира (визуальный, акустический, вкусовой, одористический, тактильный). Досье представителя иного

¹ Работа выполнена при поддержке Программы ОИФН РАН «Конструкция и динамика текста во времени и пространстве: балкано-балто-славика».

² Ср. хотя бы болг. *стопан* – добный покровитель семьи [Вакарелски 1977: 433].

³ Например, в южнославянской традиции вампира можно отличить от человека следующим образом: он не отбрасывает тени; он боится огня и собак; тело у него холодное; он черного цвета; он сам представляет собой тень или, по крайней мере, не имеет костей и т. д. [Вакарелски 1977: 435, 1990: 162–169; Вражиновски 1995: 93–126; Георгиева 1993: 196–204; Славянские древности 1995: 283–286, с библиографией; Спировска, Вражиновски 1988; Стойнев 2006: 43–44, с библиографией]; об албанских вампирах-люгатах см. [Elsie 2001: 162–163, с библиографией]. См. также балканских *волколаков* / *вурдалаков* [Иванов 2007, с библиографией; Славянские древности 1995: 420, с библиографией; Стойнев 2006: 69–70, с библиографией; Elsie 2001: 261, с библиографией] и др.

мира можно составить по признакам, обнаруженным с помощью этого инструмента.

Представляется, что классический балканский сюжет «Приход мертвого брата», уже полтора столетия пользующийся активным вниманием исследователей, может дать интересный материал по теме «узнавание представителя *иного мира*». Насколько нам известно, до сих пор баллада в таком аспекте не рассматривалась. Между тем она, в определенном смысле, может считаться «инструкцией по распознаванию». Примечательно, что это инструкция как таковая, реакция *живого* на слова и поведение представителя *иного мира* несущественна. Дидактическая цель «Баллады о мертвом брате» состоит в том, чтобы научить, как узнать *мертвого*, и показать, что происходит с теми, кто остается глух и слеп ко всем *зловещим признакам*.⁴

«Баллада...» имеет следующий сюжет: у матери девять (в большинстве версий) сыновей и одна дочь. Братья хотят выдать сестру замуж на чужбину (в особенности настаивает на этом младший брат), но сестра или мать этого не хотят и проклинают младшего брата или требуют, чтобы он поклялся, что через некоторое время привезет сестру домой погостить. После свадьбы все братья неожиданно умирают (от чумы или другой болезни) или их убивают. Из-за клятвы, данной сестре или матери, из жалости к ним или из-за проклятия, младший брат встает из могилы и отправляется за сестрой, чтобы привезти ее к матери. По ряду признаков сестра начинает подозревать неладное, но он ее разубеждает. Она встречается с матерью, они обнимаются и падают замертво.

Зловещие признаки занимают особое место в сюжете «Баллады...». Среди них и запах земли, который исходит от брата, и слова птиц («Что за чудо! Мертвый везет живую!»), и новые могилы на кладбище, и запущенное хозяйство, и разрушенный дом, и многое другое. Об этом сестра спрашивает брата, но брат уходит от прямого ответа и правдивого объяснения. Например, пыль (прах) на своей одежде он объясняет тем, что строил новый дом; запустение на семейных угодьях – продолжительной болез-

---

⁴ Термин болгарского исследователя И. Шишманова [Шишманов 1898: 562].

нью братьев; новые могилы на кладбище – смертью дружек на свадьбе и т. д. Это ответы «с двойным дном»: новый дом – метафора могилы, болезнь означает смерть братьев и т. д. Отметим, что здесь для решения задачи, стоящей перед братом – как сообщить сестре, что брат мертв, не говоря этого? – используется классическая техника бриколажа [Цивьян 2009: 39]. Вместо того чтобы прямо сказать, что произошло, брат использует обходные пути.

Настоящая работа продолжает наше исследование структуры текста «Баллады...» [Makartsev 2010; Макарцев 2009, 2010, 2011a, 2011b].⁵ В рассмотренных нами версиях «Баллады...» (96 болгарских, 27 македонских, 26 албанских) *зловещие признаки* упоминаются в 77 болгарских, 23 македонских и 24 албанских.⁶ Максимальное количество *зловещих признаков* в одной песне в болгарских версиях достигает 5 (в версии № 56), в македонских – 4 (в двух версиях: №№ 92, 99); в албанских – 10 (в одной версии: № 121).

Зловещие признаки, указывающие на принадлежность брата к иному миру, делятся на две группы:

1. прямые (описывающие мертвого брата);
2. косвенные (описывающие дом и хозяйство).

Мы рассмотрим обе группы в соответствии с последовательностью развития сюжета: сначала брат и сестра встречаются на чужбине, в новом доме сестры, и сестра обращает внимание на некоторые странные изменения, произошедшие с ним; затем брат и сестра едут домой, причём этот путь задан диагностическими точками (лес – поля и виноградники семьи – кладбище – граница

⁵ На материале болгарских, македонских и албанских версий «Баллады...» была описана ее структура, прежде всего на лингвистическом уровне: использование категории эвиденциальности (пересказывательных форм) как маркера структуры текста [Makartsev 2010]. Другие балканские версии «Баллады...» – балканороманские, греческие, сербско-хорватские – не рассматривались, поскольку в грамматической структуре этих языков указанной категории нет. Это тема дальнейшего исследования.

⁶ См. «Список использованных версий «Баллады о мертвом брате» в конце статьи.

села – ворота двора – порог дома).⁷ Отметим, что косвенные признаки представителя иного мира (изменения во внешнем виде дома, села и хозяйства) выводят к теме вещного мира «Баллады...» – весьма интересной, но выходящей за рамки настоящего исследования; здесь мы ограничимся только перечнем элементов, указывающих на принадлежность брата к миру мертвых.

Зловещие признаки (признаки смерти) вводятся в «Балладе...» следующим образом: сначала сестра замечает их и задает брату вопросы (почему ты покрыт землей, почему от тебя пахнет мертвым, почему закрыты окна дома и т. д.). В большинстве случаев объяснения брата указывают на то, что он мертв, не называя это прямо (например: я покрыт землей, так как девять лет сидел в подвале; это не запах мертвого, а запах базилика от души своего брата; окна дома закрыты из-за холодной зимы и т. д.). Каким бы ни было объяснение (даже в тех случаях, когда брат говорит, что произошло на самом деле), сестра молчаливо принимает его. С точки зрения структуры текста, объяснение рассчитано не на персонажа, а на слушателя / читателя «Баллады...» (дидактическая функция, см. выше). Чтобы задачи сюжета были выполнены, сестра должна пройти свой путь до конца, не узнав правду преждевременно.

1. Признаки представителя иного мира

1.1. Прямые признаки

Здесь можно выделить как атрибуты брата, так и его действия. Атрибуты делятся на следующие группы: его внешний вид (потемнел, осунулся); земля / плесень / пыль, которой он покрыт; исходящий от него запах. Существенны апофатические действия брата: отказ от еды (сестра предлагает ему поесть хлеба, выпить кофе и т. д.), отказ спеть сестре или сыграть ей на флейте, обнять сестру (в некоторых версиях). Т. е. брат «неправильно» выглядит, «неправильно» пахнет, «неправильно» ведет себя и т. д.

1.1.1. *Внешний вид брата.* В болгарских песнях брат выглядит желтым и страшным (т. к. строил дома и копал подвалы [27,

---

⁷ В разных версиях порядок может различаться в зависимости от того, где брат оставляет сестру (на кладбище, у церкви, у луга, у ворот дома или в другом месте).

32]); темным (из-за Петрова поста [37]); черным (от августовской жары [37]; от болезни [56]; без ответа [38]). В македонских – брат выглядит осунувшимся (*расипан* [91, 92]), поскольку пережил продолжительную болезнь. В албанских – у брата почернели руки (из-за ружейного дыма [110]); руки стали жёсткими (а раньше были (мягкие), как подушки [103]); он осунулся (из-за болезни [111]); исчезли его собаки (собаки постарели и ослепли, поэтому они не с ним [121]).⁸

1.1.2. Земля / плесень / прах / пыль, которой покрыто тело брата. Как визуальный этот признак встречается только в албанских версиях; в болгарских и македонских он выступает как одористический. *Земля / плесень / прах / пыль* полностью синонимичны друг другу. На вопрос сестры, почему его тело (волосы, голова, плечи, руки) покрыто землей, брат отвечает: это дорожная пыль [102, 107, 110, 113]; он приехал с войны [102]; он строил девять комнат [104]; это из-за ружейного дыма [105, 106, 107].

1.1.3. Запах брата. В болгарских, македонских и албанских версиях запахи, исходящие от брата, могут быть разделены на несколько групп: запахи *нижнего мира* (запах мертвого тела, тяжелый запах, запах гнили, грибов,⁹ земли, мусора, паутины, плесени / пыли / праха), «церковные» запахи (воска, ладана, лампадного масла), *растительные запахи* (базилика, болиголова, бузины, клевера, крапивы, ореховой листвы, травы).

Иногда сестра перечисляет несколько запахов подряд, а брат может давать им одно объяснение. Возможно и обратное: одному запаху могут даваться разные объяснения. Например, в [4] брат пахнет плесенью и объясняет это тем, что он строил дом,

---

⁸ Очевидно, в этом тексте собаки выступают только в роли постоянного атрибута брата (*kurr nē derē pa to s'ke dalē* ‘ты никогда не выходил без них’), а остальные смыслы, связанные с собакой (верность и т. д.), не актуализируются.

⁹ В славянской и многих других традициях грибы рассматриваются как хтонические создания, наделенные демоническими свойствами и соотнесенные с иным миром [Мифы народов мира 1987; Славянские древности 1995]. В «Балладе...» они представлены только через запах, который можно считать указанием на присутствие представителя иного мира.

а в [7] на такой же вопрос отвечает, что попал под дождь по дороге.

1.1.3.1. Запахи нижнего мира. Запах мертвого тела упоминается один раз, в македонской версии [99]. Брат объясняет его так: *Не мерише на умрело, но мерише на братчето, на твойто братче душата. Душичката му мерише, му мерише на босильок.* ‘Не пахнет мертвым, но пахнет братцем, твоего братца душа пахнет. Душенька его пахнет, пахнет базиликом.’

Тяжелый запах (алб. *erë e rëndë*) упоминается в албанской версии [113]. Брат объясняет его тем, что он был на войне и стоял в ружейном дыму.

Запах гнили встречается три раза, только в болгарских версиях, с одним и тем же объяснением: брат строил дома и копал подвалы [8, 16, 42]. Грибы упоминаются только один раз, в болгарской версии [45].

Запах земли в болгарских версиях брат объясняет так: он копал колодец [1]; строил дома [4, 24]; братья делили имущество и строили дома, отделили часть имущества и сестре [39]; строил дома и копал подвалы [6, 9, 25, 32, 33, 55, 68]; копал подвалы [31, 77]; братья строили девять домов, но они не готовы, и братья живут в подвалах [32]; строил церковь [49]; копал землянки [51]; его намочил дождь [4, 6]; здесь всё землей пахнет [53]; не дает ответа [26]. В македонских версиях запах земли объясняется долгой дорогой [78]; тем, что брат строил дома [86, 100]; султан приказал ему строить башни из камня и извести [79]; брат копал землянки [81]; копал землю [83, 84, 98]; готовил поле для виноградника [87]; был болен [88]; не дается ответа [85]. В албанских версиях запах объясняется долгой дорогой [109]; строительством домов [116, 117, 118], девяти комнат [104] или девяти дворцов [123, 124].

Запах мусора упоминается два раза, только в болгарских версиях: брат строил дом и выносил мусор [65] или убирал темные подвалы [73].

Запах паутины встречается только в болгарских версиях: брат копал ямы и вил веревки [19]; строил дома (с подвалами [32, 33]; дома не готовы, и он живет в подвале [34]; строил девять комнат с девятью подвалами [14]; делил имущество с братьями [39]; копал подвалы [76]).

Запах плесени в болгарских версиях может объясняться следующим образом: мать не разворачивала одежду брата все девять лет [2]; его намочил дождь [7, 10] (а потом мать свернула одежду, не высушив [3]; в [4] вместо дождя – роса); дорожной пылью [21]; брат строил дом [4, 5, 22, 29, 47, 51, 67] (либо строил дом и копал подвал [8, 16, 23, 24, 25, 28, 74]; копал подвал [76]; братья работали вдевятером, мать не может постирать их одежду и потому зовет дочь на помощь [9, 43]; братья строили девять домов и десятый начали [49]; копали землянки [51]; брат сидел в подвале [56]; его вещи хранились в подвале [57]); брат делал новые бочки [46]; брат перебирал плесневелую пшеницу [50] (девятилетнюю пшеницу [72]); братьев заковали в колодки, и они так провели всё время после свадьбы сестры [52]. В македонских версиях сходные объяснения: брат построил себе дом [86] (дом в земле [82]); работал в земле [84]. В албанских версиях брат говорит, что пахнет плесенью из-за долгого пути [109] или из-за ружейного дыма [106]. Запах плесени является широко известной приметой смерти: существует болгарский фразеологизм *душата му мирише на плесен ‘его душа пахнет плесенью’* (о больном, возможно, смертельно больном человеке).

Запах пыли / праха встречается только в болгарских версиях (болг. *прах* означает и ‘пыль’, и ‘прах’) 14 раз: брат строил дома [5, 20, 29, 47–49, 70]; и копал подвалы [16, 28, 42, 68, 74]; ехал ночью и попал в грязь [36]; перебирал старую пшеницу [72].

Все эти запахи имеют одну и ту же функцию – сигнализировать о явлении существа из мира мертвых. В разных версиях один запах может подменять собой другой, но объяснение у них будет одно, например, строительством дома / подвала объясняются запахи земли [4, 6, 9, 24, 25, 31–33, 39, 55, 68, 77, 79, 86, 100, 104, 116–118, 123, 124 и т. д.], плесени [4, 5, 8, 9, 16, 22–25, 28, 29, 43, 47, 49, 51, 67, 74, 76, 82, 86], гнили [8, 16, 42], паутины [14, 32–34, 39], мусора [65], пыли / праха [5, 16, 20, 28, 29, 42, 47–49, 68, 70, 74].

1.1.3.2. «Церковные» запахи. Запах воска упоминается в болгарских и македонских версиях. В болгарских версиях брат объясняет его так: священники освящали новые дома братьев [6]; так пахнет лес, который они рубили для строительства домов [7]; так пахнет в этом месте [18, 62, 63]; так пахнет трава [64]; вчера

брат был в церкви [57]; село большое и где-то в нём идут похороны [61]. В македонских версиях – так пахнут цветы в лесу [93]; так пахнет зеленый росистый луг, зеленый росистый клевер на лугу [99]; в их доме идёт свадьба [98].

Запах ладана также упоминается только в болгарских и македонских версиях. В болгарских: священники освящали новые дома братьев [6]; так пахнет в этом месте [17, 18, 62, 63]; так пахнет особая трава, которая здесь растет [54, 55, 56, 64]; он копал ямы и вил веревки (так!) [19]; проходил через церковь [20]; в прошлую пятницу была задушница, и женщины кадили на могилах [21]; брат строил дома [28]; так пахнет лес, который братья рубили для строительства домов [7]; строил церковь [40]; в воскресенье мать его кадила [57]; село большое и где-то в нём идут похороны [61]; нет ответа [67]. В македонских: так пахнет трава [89] и цветы [83]; так пахнут цветы в лесу [93]; так пахнут лесные листья [99]; уже идет венчание, на которое брат везет сестру [95, 96, 98].

Запах лампадного масла (болг. *зайтин*) упоминается один раз, в болгарской версии [57]. Брат объясняет его тем, что вчера он был в церкви.

1.1.3.3. *Запахи растений*. Запахи растений отмечены только в болгарских версиях, и на этом материале можно составить целый гербарий. Так, от брата может исходить запах базилика, болиголова, бузины, клевера, крапивы, ореховой листвы или просто травы. Запах базилика (*Ocimum basilicum*, базилик обыкновенный) упоминается два раза: один раз брат говорит, что так пахнет в месте, которое они проезжают [15]; один раз уходит от ответа [39]. Запах болиголова (скорее всего, *Conium maculatum*, болиголов пятнистый) встречается один раз: [71] – брат помогал плотнику строить дом (что, впрочем, не объясняет запаха болиголова, но сестра больше не задает вопросов). Запах бузины (*Sambucus*; очевидно, *Sambucus ebulus* – бузина травянистая, имеющая неприятный запах) упоминается семь раз, со следующими объяснениями: это запах из-за болезни [11]; брат строил дома [20, 48, 71]; дома с подвалами [33]. Запах клевера (*Trifolium*) – один раз [14], вместе с запахом травы (брат строил девять комнат и под каждой глубокий подвал). Запах крапивы (*Urtica dioica*) упоминается один раз [69], без объяснения. Запах ореховой листвы

(*Juglans regia*, орех грецкий) также упоминается один раз (братья строили новые дома, копали подвалы) [16].

Большинство перечисленных растений связаны с погребальным обрядом или с *иным* миром.¹⁰ Базилик является универсальным апотропеем и широко используется в южнославянском погребальном обряде: например, веточками базилика обкладывают тело умершего, кладут на голову покойника венок из базилика, базилик приносят с собой при прощании, втыкают на кладбище в землю после похорон [Славянские древности 1995: 132]. Бузина является демоническим растением в западнославянской традиции, а у южных славян это растение связано с водой, в частности подземной, т. е. является хтоническим [Там же: 270]. Крапива так же, как и базилик, является апотропеем, но может быть осмыслена и негативно: «Обильно разросшаяся К. могла осмысляться как предвестие смерти, запустения, разрухи. Выросшая на завалинке К. предвещала смерть в этом доме (морав.)» [Славянские древности 1999: 646]. Орехи – «пища мертвых» [Славянские древности 2004: 560].¹¹

1.1.4. Поведение представителя иного мира. Мотив отказа встречается только в албанских версиях. Брат отказывается от еды (поскольку им предстоит долгий путь [101]; потому что так ему сказал врач [111]; потому что мать подготовила ему большую питу (алб. *pite t' madhe*), и он ел ее все три дня пути [118]; так как врач дал ему лекарство [121]); отказывается от кофе [114] (так как ему запретил врач [118]; так как врач дал ему лекарство [121]); отказывается играть на свирели (потому что устал играть на свадьбах [111, 123, 124]; потому что, наигравшись на свадьбе, он положил свирель на землю, и дружка сломал ее [121]; потому что его губы превратились в прах (...*fyllit s'muj te i ra, buzt' e mia hi janë ba* ‘не могу на флейте больше играть, губы мои в прах

¹⁰ Ср.: «цветы принадлежат земле, низу, где и теряют запах» [Цивьян 2008а: 222]. Соответственно, представители подземного мира приобретают этот потерянный цветами запах.

¹¹ Ср. это также со следующим македонским поверью (Охрид): в день Святого Духа души оставляют рай и спускаются на землю, потому что люди приманивают их на ореховую листву в церкви. Потом души разлетаются по цветам и деревьям и после этого их с трудом собирают обратно [Вакарелски 1990: 36–37]. Цит. по: [Спространов 1900: 33].

превратились' [122]); отказывается спеть (так как у него пересохло в горле [112, 114, 121]; у него пропал голос [122]); отказывается обнять сестру (ему сложно это сделать из-за болезни [121]).

1.2. Косвенные признаки

Когда брат с сестрой подъезжают к своему селу, сестра видит новые зловещие признаки.

1.2.1. *Новые могилы*. У кладбища сестра обнаруживает, что кладбище новое или что старое кладбище значительно расширилось, и на нём появились новые могилы. В болгарских версиях брат объясняет это так: ей кажется, что могильные холмы новые, на самом деле они такие высокие, потому что на них посеяна белая пшеница [1]; кладбище расширилось, так как в селе недавно умерло много стариков [10]; в селе умерли какие-то чужие люди [51] (это были *кираджии* – перевозчики [12]); умерли какие-то торговцы [66]; умерли черные цыгане [74]; по селу прошла чума [14]; на кладбище девять новых могил, потому что разбойники убили девять юношей [23]. Эти причины могут объединяться. Так, в версии [46] брат говорит, что по селу прошла чума, и умерло много стариков. В версии [29] брат говорит сестре правду: «Это твои девять братьев¹² и их жены», – после чего исчезает. О реакции сестры не сообщается, известно только, что сестра идёт с кладбища домой, встречает мать, они обнимаются, и обе умирают. В македонских версиях брат говорит, что в селе умерли какие-то чужие люди [79, 90]; по селу прошла чума [80]. В албанских версиях объяснения схожи с болгарскими и македонскими: в селе умерли чужие люди [104, 115]; здесь похоронено девять *хаджи*, восемь тут, а девятый исчез [108]; это семья дружек, которые убили друг друга на свадьбе [111, 121]; это какие-то воины, которые проходили через село [118]; это девять работников [123, 124]. В версии [116] брат говорит сестре правду: это не могилы, это дома братьев (*nuk jönë vorre, po shpijat tona q i kena maru!* ‘это не могилы, а наши дома, которые мы построили’).¹³ После этого сестра прокляла себя и стала кукушкой (*Pej*)

¹² Включая, таким образом, в это число и себя.

¹³ В сербском переводе Х. Трнавци: *Sestro, nisu to grobovi, nego naše kuće, koje smo sagradili* [Trnavci 1975: 234].

*atyhit motra e Halilit – thojnë – quqe u mallkue edhe quqe u metë, e sod ajo bôn: “Ku-ku!” për Halilin tuj vajtu ‘И тогда сестра Халиля – говорят – прокляла себя, как кукушку, и в кукушку превратилась, и сейчас она говорит: “Ку-ку!”, плача о Халиле’).*¹⁴

1.2.2. Хозяйство семьи в запустении. Сестра видит, что хозяйство семьи пришло в запустение. В болгарских версиях поле семьи заброшено (брат говорит, что их поле на самом деле дальше [1]; братья были заняты, так как строили дома [4, 70]; они разделили имущество и забросили поля [6, 66]; теперь у них другие поля [12, 58]; нет ответа [53]); урожай не собран (братья строили девять домов [7]); виноградник не обработан (это не их виноградник [1, 58]; брат болел [5]; братья строили девять домов [7]); луга не обработаны (брат болел [5]; братья делили имущество [53]; братья строили дома [70]). В македонских версиях виноградник не обработан (не поделили между братьями [79]; братьев много, и они мешают друг другу [80]; у них новый виноградник [83, 87, 88, 90]); поле не обработано (братьев много и они мешают друг другу [80]; взяли новое поле [88, 90]). В албанских версиях сестра замечает лес на угодьях семьи (брат отвечает, что не было времени его рубить [101]); поля запустели (потому что они ничего не сеяли [101]); дуга запустели (они на них ничего не делали [101]); земля не обработана (купили новую на новом месте [117]).

1.2.3. Крики и причитания. Со стороны дома доносятся крики и причитания. В болгарских версиях брат объясняет это тем, что в селе / у них в доме свадьба (люди бьют в барабан и играют на волынке [56, 63];¹⁵ пришли дружки и поют [62]; братьям вьют венки и девушки поют песни [64]); девушки шьют (свадебное) зnamя (и поют) [21]; девушки собирают малину в лесу [56]. В македонских версиях – так поют [99] (так поют девушки на два голоса [94]; поют и вьют венки [95, 96]); мать плачет, потому что дочь не с ней [98]. В [92] сестра слышит причитания матери, но не задает брату вопроса. В албанских версиях нет соответствия.

¹⁴ В сербском переводе Х. Трнавци: *Onda Halilova sestra – kažu – proklevla je sebe i postala kukavica, te i danas ona čini “Ku-ku!”, tužeći za Halilom* [Trnavci 1975: 234].

¹⁵ В [63] это свадьба самого брата.

1.2.4. *Закрытые окна и ворота.* Окна и ворота закрыты и / или заросли травой. Этот зловещий признак появляется только в македонских (один раз) и албанских (прежде всего в арберешских) версиях. В песне из Струги (македонско-албанское пограничье) [92] сестра видит, что ворота двора закрыты, а внутри всё заросло полынью, но ни о чём не спрашивает брата. В арберешских албанских песнях ворота не упоминаются, зато подробно рассказывается, почему закрыты окна: из-за зимнего ветра [102, 106] (ветер дует с моря [105, 107]); из-за холода [110]. В северо-албанской песне [101]¹⁶ брат говорит, что ворота заросли, так как братья сделали другие ворота.

Закрытые / заросшие окна – закрытые / заросшие очи хозяев дома [ср. Цивьян 1999], что недвусмысленно указывает на их участь. Отметим, что кроме этого окна представляют собой зриное воплощение границы между двумя мирами. В славянской традиции «смотреть через О. – форма контакта с иным миром, позволяющая увидеть невидимое, например, нечистую силу, а также узнать судьбу» [Славянские древности 2004: 536]. Следовательно, закрытое, а тем более заросшее окно не дает такой возможности человеку. Мать, находящаяся *внутри* дома, не видит дочь, которая находится *снаружи*, и дочь окликает ее (таким образом, *голос* может пересекать границу между мирами).

1.2.5. *Другие признаки.* Кроме перечисленных, есть признаки, которые встречаются по одному разу. Приведем два примера.

Албанские версии характеризуются наибольшим разнообразием таких единичных зловещих признаков. Так, сестра спрашивает брата, почему их никто не встречает, на что он говорит, что невестки вышли куда-то [101]; девять прекрасных сестер танцуют [106]; их не ждут этим вечером [105, 107, 110]; девять детей где-то играют [106]; братья отправились на совет [106]; все танцуют [107]; дома много народа и женщины и дети в растерянности¹⁷ [118]; ходит от ответа [104]. Во многих версиях сестра обращает внимание на то, как почернел и изменился дом, но у

¹⁶ В печатной версии не указано, где песня записана.

¹⁷ *Kallablek, oj motër, na si jemi, janë habitun, motër, gra e thmi* ‘много, о сестра, мы как есть, растерялись, сестра, женщины и дети’ (сербский перевод Х. Трнавци: ‘Pošto nas, sestro, ima mnogo, zbumili su se, sestro, žene i deca’ [Trnavci 1975: 220]).

брата есть ответ и на это: ограда обвалилась, так как не было времени ее починить [111]; дом почернел и изменился из-за дыма ружей на свадьбе [111, 112, 122, 123, 124] (а крыши провалились из-за ружейных пуль [121]); дом покрашен в черный цвет в знак того, что мать состарилась [113].

2. Объяснение зловещих признаков, предлагаемое мертвым братом

2.1. Строительство

Строительство – наиболее распространное объяснение брата. Чаще всего он говорит о строительстве девяти домов (по числу братьев), иногда количество не указывается. Дома могут заменяться башнями из камня и извести [79]; дворцами [123, 124]; церковью [40, 49]; комнатами [14, 104]; подвалами [6, 8, 9, 14, 16, 23–25, 27–28, 31–34, 42, 55, 68, 74, 76, 77, 82];¹⁸ землянками [51, 81]; колодцем [1]; ямами [19] или новыми бочками [46]. В подавляющем числе случаев строительство непосредственно связано с *копанием земли*, т. е. направлено *вниз*. Тем самым строительство дома оказывается метафорой копания могилы, ср. устойчивую связь дома и гроба / могилы в славянской традиции, которая проявляется в наименовании гроба (ср. смол. *домик*, *домовина*, *домовка*; тверск. *домовище*; блр. *домовье*, *думаё*, *дамавайнка*, *дамина*, *дамбўка*; болг. *къща* ‘дом’ в значении ‘гроб’, ‘могила’; срб. *кућа* ‘дом’ в значении ‘могила’), во фразеологии, связанной с погребением (укр. *йти до дому* ‘умереть’), в поэтических формулах обрядовой поэзии и в обрядовых действиях [Седакова 2004: 139–140, с библ.]. Особо отметим мотив подвала, который, с одной стороны, является частью дома, а с другой – находится под землей и представляет собой прозрачную метафору могилы. К этому можно прибавить и [56, 57], где брат говорит, что сидел в подвале или же там лежали его вещи; а в [83, 84, 98] он долго копал землю. Тема подвала встретится и в контексте заключения в темницу. Земля, с которой работал брат (рытье подвалов, работа в поле) – также намек на собственную могилу. Болезнь – промежуточное состояние между жизнью и

¹⁸ К этому же: в [73] речь также идет о темных подвалах, хотя, впрочем, не об их строительстве, а об уборке.

смертью (ср. многочисленные фразеологические сходения в описании болезни и смерти), поэтому в указании на болезнь можно увидеть и указание на смерть брата, ср. далее.

2.2. Путь

Объяснение того, что брат покрыт землей / плесенью или от него исходит странный запах, долгой утомительной дорогой представляется, на первый взгляд, более чем правдоподобным: сестра была выдана замуж на чужбину, далеко от родного села. Однако *пути* в «Балладе...» проходят между мирами (брат встает из могилы и возвращается в могилу; путь сестры в дом мужа и путь брата к сестре приравниваются к перемещению в иной мир), и путь через пыль / прах / землю также является метафорой пути от жизни к смерти.

2.3. Болезнь

Болезнь может указываться в качестве объяснения запаха, идущего от брата; его внешнего вида или отказа от определённых действий. Болезнь и смерть семантически связаны: здесь можно вспомнить распространенную причину смерти братьев – чума или – реже – другая болезнь, например, оспа. Кроме того, смерть тоже может быть заразной, как и болезнь [Седакова 2004: 343]. В южнославянской и албанской фразеологии есть целая группа фразеологизмов, обозначающих больного человека, в которые входит элемент «мёртвый»: *жив умрял* [Славейков 1982: 210]; *ни живъ, ни мрътвъ* [Геров 1977: 20]; *ни жив, ни умре(а)л* [СбНУ 48]; *умрел, (а) незакопан* (Охрид, с комментарием: *Изсъхнал от болестта и изглежда на същ умрял* ‘Высох от болезни и похож на настоящего мертвеца’) [СбНУ 36]; *as i vdekur, as i gjallë* [Икономов 1968: 164].

2.4. Церковь

Значительное место занимают объяснения брата, связанные с церковью. Обычно они следуют за вопросом сестры, почему от брата исходит запах атрибутов церковной службы (ладана / воска / лампадного масла).¹⁹

---

¹⁹ Запах ладана занимает особое место во фразеологии, связанной с погребальным обрядом, ср.: *държа (нося) си тамян под носа* [Ничева и др. 1974; Славейков 1982], *тамяна си носи в ушите* [Ничева и др.]

В традиционной модели мира церковь является особым, сакральным местом, где мир живых пересекается с потусторонним миром. Иногда есть и прямое указание на погребальную обрядность: село большое, и где-то в нём идут похороны [61]; в прошлую пятницу была задушница, и женщины кадили на могилах [21].

2.5. Свадьба

Универсальная семантическая связь *свадьбы и смерти* многократно описана на балканском и славянском материале. Она прослеживается как на уровне фразеологии,²⁰ так и в фольклоре, в погребальной и свадебной обрядности.²¹ В «Балладе...» свадьбой, которая идет в доме, брат объясняет запах воска [95, 96, 98]; отказ сыграть на свирели или спеть – тем, что наигрался на свадьбах братьев [111, 121, 123, 124];²² крики и причитания, доносящиеся со стороны дома – тем, что у них готовится или уже проходит свадьба [21, 56, 62–64]. Новые могилы на кладбище в объяснении брата оказываются могилами семи дружек, убивших

1975]; *захапал съм тамян у зъбите, захапал съм тамяна* [Ничева и др. 1974; СбНУ 21], с общим значением «быть при смерти».

²⁰ Ср. болгарские фразеологические сочетания: *годя за черноземска дъщеря* (диал.), *годя за черноземско юначе* (диал.), *армасали за църноземско юначе* (диал.) со значением ‘быть при смерти, умереть’ [Ничева и др. 1974].

²¹ Смерти-свадьбе посвящена едва ли обозримая в рамках небольшой статьи литература, поэтому упомянем одну из последних работ, где рассматривается эта тема: [Седакова 2004: 140–141, с библиографией]. Из классических балканских сюжетов, связанных с этой темой, нельзя не вспомнить румынскую «Миорицу» [Vrabie 1966: 218–282, с библиографией].

²² Мотив игры на свирели и пения (в частности, пения птиц) как метафоры смерти представляется крайне важным, ср. хотя бы румынскую «Миорицу»: *Aste să le spui / Iar la cap să-mi pui / Fluieraș de fag, / Mult zice cu drag! / Fluieraș de os, / Mult zice duios! / Fluieraș de soc, / Mult zice cu foc!* ‘Пусть они положат / На зелено ложе / Дудочку из букса – / Страсть мою и муку, / Свирель костяную – / Красоту земную, / Флуераш бузинный – / Жар невыразимый!’ и далее: *Preoți, munții mari, / Paseri, lautari, / Păsărele mii, / și stele făclii!* ‘Служили нам горы, / Пели птичьи хоры, / И звезды свечами / Горели над нами!’ (пер. А. Бродского). Но это тема отдельной работы.

друг друга на свадьбах братьев [111, 121].²³ В македонской версии [96] сестру – Яну – везут домой двое братьев, хотя в тексте отсутствует указание на то, что они восстали из мертвых. Братья говорят ей, что другой ее брат, Георгий (левен Георгия ‘красавец Георгий’), женится, и только зловещие признаки подсказывают ей, что дома ее ждет горе: в самом начале песни говорится, что вечером ей видится, будто в дом приносят окровавленную рубашку, в которую завернута рука ее брата с перстнем. Затем, по дороге домой с братьями она последовательно слышит «тонкие голоса, как будто кто-то причитает» («Это брату венец вьют»), чувствует запах ладана («Это брата венчают»), и только у самого дома видит «пёстрые носилки / гроб» (мак. *шарени носила* ‘пестрые носилки’). Тогда братья признаются ей, что это гроб Георгия, и она умирает. Очевидно, что сюжет этой версии значительно отличается от канонического.²⁴

---

²³ Здесь можно видеть указание на *русалии*, когда дружины ряженых (в Северной Болгарии на праздник Пятидесятницы, в Македонии на святках) ходят по окрестным сёлам. В случае встречи двух таких дружин начинается драка, которая может быть смертельной для некоторых участников. В этом случае погибших хоронят на месте драки. Этому обычаю обязаны возникновением топонимов типа *Русалийски гробища* и т. п. Члены русальских дружин символизируют существ из иного мира [Арнаудов 1920; Стойнев 2006: 273–274].

²⁴ К семантической связи *смерти* и *свадьбы* можно добавить и болгарскую версию [63], в которой брат замещен дядей, приглашающим свою племянницу на свадьбу, при этом в руках у него нет белой лепешки и золотой здравицы (ритуальные предметы, которые должен иметь приглашающий на свадьбу). Он оправдывается тем, что лепешку и здравицу у него отобрали турки. Впрочем, мы не можем сказать, является ли дядя в этой песне существом из иного мира, так как указаний на это в тексте нет. Иван Шишманов полагал, что эта песня принадлежит к переходному типу, однако включал ее в список версий «Баллады о мертвом брате». Можно вспомнить также слова брата в [15], которые он говорит перед тем, как расстаться с сестрой: *Хайде, върви, сестро Доино, / Йаште ида до дома, / Че ни мама всинца оженила / Каши направила* ‘Ну же, иди, сестра Дойна, / Я пойду домой, / Потому что нас всех мама женила, / Дома построила’. И дальше, после того, как мать видит дочь у дома, то говорит ей: *Тиа си синко умрели / Задомила съм ги в гробищата* ‘Они, дочка, умерли, / Я их поселила на кладбище’.

2.6. Свой / чужой

Часты объяснения брата, построенные по модели «это не наш (= чужой) X». В первую очередь это объяснение новых могил на кладбище (это могилы чужих людей: стариков, перевозчиков, черных цыган, каких-то юношей, *хаджий*, убивших друг друга на свадьбе дружек). Кроме того, эта модель применяется при ответе на вопрос о хозяйстве семьи, пребывающем в запустении («это не наше поле»; «наше поле в другом месте»). Отметим также мотив покупки земли / виноградника на новом месте, связанный с представлениями о смерти как о переселении в *иное место* (= логическое развитие мотива о могиле как о новом доме; в мире мертвых покойники продолжают заниматься той же деятельностью, что и при жизни).

2.7. Прочее

Остальные объяснения не так распространены, как перечисленные, однако они также могут представлять интерес с точки зрения модели мира. Среди них остановимся на следующих группах:

Испорченная одежда.²⁵ Это достаточно редкое объяснение, которое встречается только в болгарских версиях. Брат говорит сестре, что мать не разворачивала его одежду все девять лет [2] или что его намочил дождь, а потом мать свернула одежду, не высушив [3]. Одежда здесь иносказательно указывает на тело брата. Метафора «тело как одежда» известна на славянском материале, ср. образ «сшитого человека» [Толстая 2008: 305].²⁶

Старая пшеница. Может упоминаться в связи с запахом плесени, исходящим от брата (он отвечает, что перебирал старую пшеницу [50], [72]), или когда сестра видит высокие (подновленные) могилы на кладбище (брат говорит, что они кажутся высокими, потому что на них посажена белая пшеница [1]). Пшеница используется на Балканах в погребальных обрядах. Так, у болгар

²⁵ Как объяснение странного запаха, который исходит от брата.

²⁶ К этому можно добавить соответствия в церковной литургической поэзии, ср.: «Яко от оброщения червленицы, Пречистая, умная багряница Еммануилева внутрь во чреве твоем плоть изткася: темже Богородицу воистину тя почитаем» (Триодь Постная, Канон Андрея Критского, Богочичен 8 гл. [Службы 1993: 73]) и т. п.

сквозь пальцы умершего просеивают пшеницу, муку, отруби или соль, которую после этого добавляют в корм скоту. Это делается для того, чтобы сохранить в доме *късмет* покойного [Вакарелски 1977: 493]. Связь пшеницы с погребальными обрядами отражена и в болгарской фразеологии, ср. *житото ми е на носа* (диал.); *нося си житото (коливото, пшеницата) в устата; нося си пшеницата в зъбите* ‘быть при смерти’ [Ничева и др. 1974–1975].

Исключительно яркий образ раскрывается в мотиве заключения брата / братьев в темницу: их заковали в деревянные колодки (= закрыли в деревянных гробах), и так они провели всё время после свадьбы сестры, вот и пахнут плесенью [52]. К этому примыкает мотив жизни брата в подвале (= под землей, т. е. в могиле) [32, 34, 56].

Мотив зимы / холодного ветра встречается только в албанских арберешских песнях [102, 105–107, 110], при ответе на вопрос, почему закрыты окна дома (ср. это с частой ассоциацией холода и смерти).

3. Реакция сестры

Примечательна реакция сестры на объяснения брата. Конечно, это отдельная большая тема (что делать, если человек узнает, что перед ним представитель иного мира), поэтому укажем только на самое существенное.

При анализе достаточно большого количества версий «Баллады...» создается впечатление, что сестра не слышит или не понимает ответов брата.²⁷ Приведем несколько примеров:

В версии [29] сестра видит на кладбище новые могилы, и в ответ на ее вопрос брат неожиданно говорит правду: «Это твои девять братьев²⁸ и их жены», – после чего исчезает. Реакция сестры в этой версии не описывается (такое впечатление, что она вообще отсутствует). Известно только, что сестра идет с кладбища домой, встречает мать, они обнимаются и обе умирают.

---

²⁷ Что очень напоминает обмен клишированными этикетными репликами, ср. известный анекдот: «– Привет, как дела! – Привет, у меня угнали машину, как у тебя? – И у меня всё хорошо, спасибо!»

²⁸ Включая, таким образом, в это число и себя.

В [114] брат говорит сестре правду, что девять кул обветшали (алб. *janë vrrugue*) из-за того, что было девять свадеб, и 300 дружек принесли белую оспу, и все девять братьев умерли, но так как брат дал клятву, он не забыл ее и приехал за сестрой.²⁹ Сестра несколько не удивлена этому, она идет домой, и дома мать говорит ей еще раз, что ее брат Халиль умер. Тогда они обнимаются и умирают.

Говоря о «глухоте» сестры, можно привести следующий диалог брата с сестрой [57]: «– О, Перо, младший братец, почему ты пахнешь лампадным маслом? – О, Ката, о, милая сестра, вчера вечером мы были в церкви. – Так почему ты тогда воском пахнешь? – Ката, милая сестра, зачем ты меня так расспрашиваешь? Вчера мы были в церкви. – О, Перо, младший братец, так почему ты тогда ладаном пахнешь?»³⁰

Одна из болгарских версий [59] обрывается на том месте, где сестра замечает, что глаза брата провалились, а зубы почернели, и, тем не менее, слушатель / читатель уверен, что и на этот раз брату удастся провести сестру, и она всё равно сядет с ним на коня. Здесь можно вспомнить заключительную фразу романа И. Кадаре «*Kush e solli Doruntinën*»: нынешним невестам «возможно, нравится путешествовать в объятиях теней сквозь мрак и ничто» (*и pëlqen ndoshta tē udhëtojnë nē krahë hijesh nëpër terr e*

²⁹ *Shuj moj motr / Zoti tē vraft, / Se nân vllazën si jena kan / Nân pal dâzë'm n'te kem bâ, / Se nân nuse i kena marr, / Treqint krushq miku na i pruni, / T'bardhen li me ta e pruni, / E bardha li kân ka kân, / Kem nân vllazën, na ka myt te tân. / Besn e Zottit s'e kiesh lân, / Besn e Zottit s'e kiesh harrue. / Fillo motr n'shi me shkue, / N'baçe gjokun duë m'e çue* ‘Молчи, сестра, / Убей тебя Бог, / Потому что нас было девять братьев, / Сыграли мы девять свадеб, / Потому что мы взяли девять невест, / Триста дружек прислал нам друг, / С ними прислал белую чуму, / Белая чума у них была, / Было нас девять братьев, она убила нас всех. / Клятву мы перед Богом не оставили, / Клятву перед Богом не забыли. / Но пойдем же, сестра, домой, / В сад коня хочу я отвести’.

³⁰ *– Lele, Pero, noi-mlado bratenče, / Ta zašto mi na zaitin mirišesh? / – Aide, Kato, aide mila sestro, / Cinočka smo i u crkve bili <...> / – <...> Ta zašto mi na vostjk mirišesh? / – <...> Kato, lele, mila sestro, / Ta zašto me tolko istituesh, Iucherica sme i u crkve bili <...> – Lele, Pero, noi-mlado bratenče / – Ta zašto mi na tjevnyan mirišesh?*

asgjë). Сложно придумать более недвусмысленное указание на то, что брат на самом деле является существом из иного мира.

Очень часто брат не даёт ответа на вопросы сестры, например, в [13, 39, 53, 67, 69, 75, 85] или уходит от ответа (ср. [123]: «Что это поют лесные птицы?!» – «Поедем, сестра, убей тебя Бог за то, что ты слушаешь горных птиц! Будешь слушать горных птиц – будем ехать домой три года!»³¹).

Признаки представителя иного мира и реакция на них живого человека подводят к теме проницаемости границы между миром живых и миром мертвых. *Зловещие признаки* верифицируются практически всеми пятью чувствами, кроме, разве что вкуса. Сестра видит пыль и плесень; слышит слова брата и причитания, доносящиеся из дома; обоняет запах; осознает, как изменился брат (его руки стали жесткими, а раньше были (мягкие), как подушки [103]). Из пяти чувств наиболее востребованы обоняние и зрение. Цветы и травы присутствуют только в одористическом коде. Земля / плесень / прах / пыль представлены в основном через запахи, и только в албанских версиях они фигурируют как элемент визуального кода. К акустическому коду относятся крики и причитания, доносящиеся со стороны дома. В тактильном коде всего один элемент: руки брата стали жесткими. В то же время, следовало бы ожидать, что тактильный код будет представлен больше (при езде вдвоем невозможно не прикасаться друг к другу).

---

³¹ *Shka kuvendin zo'jt e malit?! – Hec mo'j motër, / Zoti t' vratët, / qì i mba' vesh ti zojve t' malit! / Për ne marrsh vesht ti zojt e malit / për trí vjet ke shpija s' mrrëjmë*. При этом птицы поют: «Мы удивляемся тому, что видим сегодня! Едет по дороге живой с мертвым!» (*Me njì çudë, qì sot po shofin! Shkon i gjalli udhës me të deknin!..*). То, как сестра воспринимает слова птиц и как она их пересказывает – отдельная интересная тема, пока же скажем только, что она может не понимать их (они ее просто настораживают ее), а может и понимать: «Что это поёт птичка, брат: «Где это слыхано, где это видано, чтобы мертвый и живой ехали вместе?» (*Какфо, братко, пиле пое: de se je чуло видело, умрел и жииф да си одат?*) [66]. Подробнее о мотиве птицы-вестника см. статью Т. В. Цивьян [Цивьян 2008b: 271–279].

4. Досье представителя иного мира

На основании разобранных здесь версий «Баллады...» можно составить досье представителя иного мира. В основание классификации его признаков положены пять человеческих чувств / пять кодов модели мира.

4.1. Визуальный код

У представителя иного мира черное / жёлтое лицо, провалившиеся глаза и рот, почерневшие зубы и руки. Его тело / голова покрыта землей, плесенью, прахом / пылью (только в албанских версиях). На смерть указывает ряд косвенных визуальных признаков: новые могилы на кладбище, запущенное хозяйство, закрытые окна и ворота, почерневший с провалившейся крышей. Отметим также черный цвет, который становится цветовым лейтмотивом «Баллады...» (почерневшее лицо (руки, зубы) брата; почерневший и изменившийся дом; темные подвалы, которые он убирал; черные цыгане, умершие в деревне; вороной конь, на котором приезжает брат). Черный цвет имплицитно содержится в лексеме *земля*.

4.2. Акустический код

В акустическом коде на статус брата указывает несколько косвенных признаков: крики и причитания, доносящиеся со стороны дома, и слова птиц (в настоящей статье подробно не рассматриваются). Релевантным оказывается и *отсутствие* звука: брат отказывается сыграть на свирели для сестры и спеть для нее.

4.3. Одористический код

Для представителя иного мира характерен следующий набор: запахи иного (*нижнего*) мира (гниль, грибы, земля, паутина, плесень, пыль / прах); «церковные» запахи (воск, ладан, лампадное масло); запахи цветов и трав, как правило, связанных с нижним миром (базилик, болиголов, бузина, клевер, крапива, ореховая листва, трава).

4.4. Тактильный код

Представлен в наименьшей степени (по сравнению с остальными кодами) – только одним признаком: тело представителя иного мира жесткое на ощупь. Как и в звуковом коде, релевантным может быть и отсутствие признака: например, то, что

брат отказывается обнять сестру. Вероятно, к этому можно добавить и одежду брата (смятая, влажная, покрытая землей / прахом / пылью / плесенью).

4.5. Акциональный код

К акциональному коду относятся действия представителя иного мира, релевантные с точки зрения его изменившегося статуса. Это, прежде всего, отказ (есть и пить, сыграть и спеть сестре). К этому можно добавить спешку брата – приехав к сестре, он не дает ей приготовиться к дороге домой; требует, чтобы она не дожидалась мужа. В некоторых версиях он не приводит никакого объяснения, почему сестре следует ехать с ним, и не говорит, какие вещи с собой взять, «радосни или жалосни» [84].

Многие мотивы в объяснениях брата сводятся к распространенным метафорам смерти, характерным для архаической модели мира. Это представления о могиле как о новом доме, о смерти как о свадьбе, и о смене знака при переходе из мира в мир. Гербарий в главных деталях соответствует флористическому коду смерти. Объяснения брата принадлежат *этому миру* только на первый взгляд, а на самом деле в каждом из них наблюдается некая девиация: например, базилик имеет приятный запах и используется в свадебной обрядности (а также шире – как апотропей), но присутствует также и в обрядах погребения; строительство дома – прекрасное жизнеутверждающее занятие, но только оказывается, что дом этот в земле и брат провел в нём целых девять лет; свадьба – радостный момент в жизни человека, однако в качестве невесты брата выступает сама смерть.

Список использованных версий «Баллады о мертвом брате»

I. Болгарские версии.

1. *A мар Викийо ле, жсан Викийо* (с. Гайтаниново, Гоцеделчевско) [Балади 1993, № 307]
2. *Броi! храниль i маikж гледжъ* (с. Върбица, Османъ-Пазарска околия, Шуменско) [Шишманов 1898, № IX]
3. *Де са е чуло, видяло три пъти жена да близни, три пъти по три момчета* (с. Върбица, Преславско) [Балади 1993, № 303]

4. Де са е чуло, видяло три пъти жена да близни, три пъти се по три сина (с. Преслав, Бердянский уезд, Таврическая губерния, Украина) [Минков 1956: 200–204]

5. Де се е чуло, видело, три пъти жена да близни, три пъти по три момчета (Панагюрище) [Миладинови 1981: 145–146, № 100]

6. Де съ и чулу, видялу три пъти жина дъ близни, три пъти по три мумчетъ (с. Спасово, Чирпанско) [Керемидчев 1954: 80–83]

7. Дек се е чуло, видело три пъти жена да близни (с. Кремиковци, Софийско) [Балади 1993: 298]

8. Дошли да искат Петкана от далечно село (с. Нови Пазар, Еньовско) [СбНУ 47: 259–260, № 57]

9. Драгано, бела Драгано! Заискали са Драгана (с. Бобошево, Дупнишко) [СбНУ 42: 220–221]

10. Душле Дръгани згледници Приз девят сила в дисету Ут Приліпуву Зъгори (Елена) [СбНУ 27: 167]

11. Душле сж сгледници, іугледници (с. Червена Вода, Русенско) [Шишманов 1898, № XLI]

12. Една Фикиа у макя мугю девет милни бракя (Банско) [СбНУ 48: 220–221]

13. За Коика душле сгледници (Карнобатско) [Шишманов 1898, № 20]

14. Зажсенила са Петкана, Йом саде и хора доidoха (с. Крета, Врачанско) [Шишманов 1898, № XXIII]

15. Заискали іелин Доіна От хубава Будин града (Етрополе) [Шишманов 1898, № XXVIII]

16. Заискали са Неделя, Недельо, йегне баюва, от камънлива Клисурата (с. Войнягово, Карловско) [Балади 1993, № 304]

17. Запросише жлту Дунк'у, Дунк'у мак'а там не дава (Место неизв.) [СбНУ 41: 418–419]

18. Засакали іелин Доіна, Доінце ле іелин Доіне (с. Локорско, Софийско) [Шишманов 1898] № XXVII

19. Засакали су Петкану Йот девет добри домове (Чипоровци, Западная Болгария) [Шишманов 1898, № XXXVIII]

20. Имала е мама имала, До деветь сына родени, И една дыцерка Петкана (Место неизв.) [Шишманов 1898: № XVII]

21. Имала ^еа маіка сина Кустадина, Сина Кустадина дашт^еар^еа Аленка (Централни Родопи, Турово, с. Устово) [Шишманов 1898, № II]

22. Имала и майка, имала И'на дыцерка – Петкана (Русенско?) [Шишманов 1898, № XLIX]

23. Имала і маіка, имала, До девет сина рожденi (с. Волуяк, Софийско) [Шишманов 1898, № XLVII]

24. *Имала и мама имала и, Имала девет синковца* (с. Казачево, Ловченско) [Шишманов 1898, № XIV]
25. *Имала и мама, имала и, Имала и девет синове* (с. Стражица, Кесаровска околия) [Шишманов 1898, № XLVIII]
26. *Имала ѹ мама, имала до девет сина левента и дъщеря Петкана* (с. Табачка, Русенско) [Ненов 2004: 131–133, № 8.27]
27. *Имала ѹ мама, имала ѹ до девет сина левенти, една дъщеря Петрана* (с. Павел, Свищовско) [Балади 1993, № 302]
28. *Имала ѹ мама, имала ѹ до девет сина рождени, една дъщеря Петрана* (с. Розово, Казанлъшко) [Балади 1993, № 299]
29. *Имала ѹ мама, имала ѹ дур девет сина левенти, една дъщеря Петранка* (с. Коларово, Тутраканско) [Балади 1993, № 305]
30. *Имала маїка имала Една джштерка Петкана* (Тетевен) [Шишманов 1898, № XXI]
31. *Имала маїка, имала, До девет милни синове* (Перушица) [Шишманов 1898, № XV]
32. *Имала маїка, имала, Имала девет синове, Една даштер'а Петкана* (Тетевенско) [СбНУ 31: 224]
33. *Имала маїк'а, немала Имала девет синове, Десета беше Петкана* (с. Кнежа, Раховско) [СбНУ 41: 407–409]
34. *Имала маїкъа, имала Дор девет души синове – іедна джштерка Петкана* (Ребърково, Врачанско) [СбНУ 26: 1909]
35. *Имала майка, гледала до деветина синове и енна Дойке петимна* (с. Българи) [СбНУ 57: 116–117]
36. *Имала майка, гледала до деветина синове. Отде се чума задала, та ги сичките умори* (Малко Търново) [СбНУ 57: 117–118]
37. *Имала майка, гледала Дур деветинѫ синуве, И юна дъщеря Херина* (с. Яткъой, Родопско) [СбНУ 38: 22–23]
38. *Имала майка, имала до девет сина рождени. Искат Драгана да женат през девет села ф десету* (Копривщица) [СбНУ 46: 54–55]
39. *Имала маїкъа, имала, Имала девет синове* (Орхание) [Шишманов 1898, № XLVI]
40. *Имала маїкя девет мили сина, И десета сестра Янгелина* (Кюстендилско) [Шишманов 1898, № LVIII]
41. *Имала мама гледала Дур деветина синуве, Ђна Ирина дъщеръ* (с. Юсюк, Родопско) [СбНУ 38: 20–21]
42. *Имала мама имала До деветъ сына рождени* (Северна България) [Шишманов 1898, № XXXIX]
43. *Имала мама, имала До деветина синове* (Копривщица) [Шишманов 1898, № X]
44. *Имала мама, имала, Имала девет синове* (Пирдоп) [Шишманов 1898, № XIX]

45. Имала мама, имала Дур девет сина іунаци (с. Осмар) [СБНУ 42: 159–160, № 144]
46. Ималж й мамж, ималж й, Дур дивитинж синуви, Идна дъщире Грузданкж (с. Лазарци, Еленско) [СБНУ 27: 164–165]
47. Имъль мамъ гледъль Ду девит синъ близнакъ (Ловченско) [Шишманов 1898, № XI]
48. Имълж й мамж, имълж й, Ду девит синж руждени И иднж дъщери Питранкж (Елена) [СБНУ 27: 165–166]
49. Имжлж і мамж, имжлж і, Дур девит ми синуве (с. Краль-Бунаръ, Г. Орѣховско) [Шишманов 1898, № XLII]
50. Имжлж і мамж, имжлж і, Дур девит синуви (с. Айдемиръ, Силистренско) [Шишманов 1898, № XL]
51. Имжлж мамж девит синкуфци (Ловеч) [Шишманов 1898, № XXII]
52. Имжлж мамж, немжлж, Ду девъжт синж имжлж (Котленско) [Шишманов 1898, № I]
53. Іанко, моме Іанко! (Софийско) [Шишманов 1898, № XVIII]
54. Іану маікъя на далеко дава, Іана нече куд гъу маікъя дава (Пиротско) [Шишманов 1898, № LXVI]
55. Іану мак'я на далеко дава, На далеко, од онуде море (с. Кожници, Трънско) [СБНУ 21: 32, № 2]
56. Іану мак'я на далеко дава, Из пианжц-та у Леву-реку (Трънско) [СБНУ 22–23: 17–18]
57. Кату мак'я на далеко дава През две воде, през четири горе (с. Слишовци, Трънско) [Шишманов 1898, № LX]
58. Мар Викийо, ле, жсан Ви-мар, Викийо, жсан Викийо (с. Илинден, Гоцеделчевско) [Балади 1993, № 308]
59. Мари Дойне, Елин-Дойне (Панагюрище) [Шишманов 1898, № XXIX]
60. Мария бракя годили, Мария не е знаяла (с. Зимевица, Софийско или Ботевградско) [СБНУ 44: 124, № 116]
61. Мило Стойненце, едно у майка, Едно у майка между петь братя (Софийско) [Шишманов 1898, № LXXVI]
62. Недельо, бела Недельо (с. Аканджиево, Татар-Пазарджишко) [Шишманов 1898: LXXIV]
63. Петкано, бела Петкано! Рано ранила Петкана (с. Ялово, Самоковско) [Шишманов 1898: LXXIII]
64. Петкано, бела Петкано! Сна'о-ле, бела Петкано (с. Лешко, Горно-Джумайско) [Шишманов 1898, № LXXII]
65. Поискали са Драгана ѹот Солун града гольама (Средни Родопи) [СБНУ 39: 166, № 362]

66. *Роди мајка девет сина девет сина, една штерка, една штерка Џан Фиќиа* (с. Лешко, Горно Джумайско) [Стоилов 2000: 84–85, № 42]

67. *Роди макя девет мила си-девет мила сина* (с. Ковачевци, Самоковско) [Балади 1993, № 301]

68. *Три пътя майка близнила, се по трима синове* (с. Новоселец, Новозагорско) [Балади 1993, № 300]

69. *Хранила и майка пазила, На люцкј хуркј и махалкј* (Русенско) [Шишманов 1898, № XII]

70. *Хранила ѹ майка, гледала дор девят сина рожденни* (с. Партизанин, Чирпанско) [Балади 1993, № 297]

71. *Хранила мама гледала До девет сина рожделни* (Чирпанско) [Шишманов 1898, № XLIV]

72. *Хранила мама, гледала до девет сина левенти, една дъщеря Милица* (с. Черепово, Харманлийско) [Балади 1993, № 306]

73. *Хранила мама, кутила до девет сина рожделни* (Средни Родопи) [СбНУ 39: 90–91, № 198]

74. *Хранъжлј і маќј, гледжлј і Дур девъյт синж руждени, Ина джитиръя – Кјсаткј* (Сливенско) [СбНУ 22–23: 66–68]

75. *Чувала мала-мача, гледала Доръ деветъ сина родъены* (Берковско) [Шишманов 1898, № XVI]

76. *Чуло ли се е, видело, Три пати макя да близни* (с. Батулия, Софийско или Ботевградско) [СбНУ 44: 123–124, № 115]

77. *Яна макя надалеко дава, Далег, далег – отът Черно море* (с. Доброславци, Софийско или Ботевградско) [СбНУ 44: 125]

II. Македонские версии

78. *Беше една чупа. Си имаше девет бракя* (Лерин) [Шапкарев 1973: 330–331, № 189]

79. *Благатичка таја мајка, Што породи девет сина И десета јан Фекиа* (Македония) [Шишманов 1898, № IV]

80. *Бре блазја га таја мајка, шту родила девјат сина, девјат сина, идна керка* (Македония, с. Бараклија, Демирхисарско-Серско) [Стоилов 2000: 86–87]

81. *Дai се, Доико, dai се наша сестро* (Македония, Велес) [Шишманов 1898, № LII]

82. *Јана мама на далеку дава. Јана неќе де ia мама дава* (Македония, Штип) [Шишманов 1898, № LXIV]

83. *Јану мајка на далеко дава, Јана неќье дек гу мајка дава* (Македония, Кратово) [Шишманов 1898, № LI]

84. *Једна жена си имаше девет синои и една керка* (Прилеп, Македония) [Шишманов 1898, № VIII]

85. Йованка солдзи ронише На деветъ сина колнеше (Македония) [Шишманов 1898, № VII]
86. Кинисала Вида на вода На вода на бела чешма (Македония, Прилеп) [Шишманов 1898, № LXVII]
87. Мори коia била таа маіка, Мори, што родила седем сина (Восточная Македония, с. Хотово, Меличко) [Шишманов 1898, № VI]
88. O, мжр фикию, Җан-Фикию (Източна Македония, с. Кърчово, Демирь-Хисарско) [Шишманов 1898, № V]
89. Оданала ми Богороица, Останала ми млада вдовица (с. Тресанче, Дебърско) [Шишманов 1898, № LXXV]
90. Оре блазе си ia таia маіка (Южная Македония, Леринско) [Шишманов 1898, № XXXIV]
91. Попитале Ангелина Преку поле Гобрицово (Южная Македония, с. Крушие, Преспанско) [Шишманов 1898, № XXXVII]
92. Попитале Елинъ Дойка Горна долна Руменліа (Македония, Струга) [Шишманов 1898, № XXXII]
93. Седнала ie Хата на малата врата Ем си седи Хата, ем си маіка кжлне (Велес) [Шишманов 1898, № LXIX]
94. Седнала ми Яна на малата врата подъ бела лозница (Македония) [Шишманов 1898, № LXVIII]
95. Седнала ю Яна на мала-та врата Потъ бела-та лоза (Место неизв.) [Шишманов 1898, № LXX]
96. Седнала ю Iана На малата врата, ai леле (Прилеп) [Шишманов 1898, № LXXI]
97. Си била една маіка, си имала едно дете и едно момиче (Охрид) [Шишманов 1898, № L]
98. Што си биле девет бракъа (Прилеп) [Шишманов 1898, № XXXIII]
99. Юбава Милка, Милкано (Североизточна Македония) [Михайлов 2007, № 216]
100. Яна бара на големо (Южна Македония, Загоричани, Костурско) [Шишманов 1898, № XXXV]
- III. Албанские версии
101. Çudë m'ish konë, çudë p'e kallxojnë (Северная Албания) [Trnavci 1975: 201–205]
102. Gjashië e gjashtë dymbëdhjetë (Место неизвестно) [Arapi 2007: 304–308]
103. Isci nji mamma sciume e made (Vena) [Шишманов 1898, № I]
104. Ish kônë ni Fatimja e gratë (Gorozhup i Gurit të Hatë të Hasit) [Trnavci 1975: 221–224]

105. *Ish nj' èmë shumë e mirë* (Colonie del Napoletana) [Këngë popullore 1955: 22–28, № 8]
106. *Ish një jëmë shum' e mirë* (Spezzano Albanese) [Arapi 2007: 299–303]
107. *Ish një nënë shumë e mirë* (Arbëreshët e Italisë) [Arapi 2007: 294–298]
108. *Ishin konë djemt nonë vllazni* (Bajgora e Shalës) [Trnavci 1975: 211–212]
109. *Ishte një plakë edhe kishte nëntë djemë* (Крушово) [Шишманов 1898: 5–6]
110. *Ke të vish me tua ndë shpi* (Южно-итальянские колонии, место неизв.) [Шишманов 1898, № VI]
111. *Kur ish kan motra me shtat vllazen* (Shëngjin–Lezhë) [Arapi 2007: 253–257]
112. *Motra me nanë vllazën* (Rrëshen–Mirditë) [Arapi 2007: 266–268]
113. *Na ish një herë një nanë* (Arpicë–Margëlliç) [Arapi 2007: 290–293]
114. *Nan vllazën in pa kan e kin pas ni motr pr mall* (Berishë, Pukë) [Çabej 1975: 94–96]
115. *Nan vllazën kishin pasë nji motër* (Brut–Has) [Këngë popullore 1955: 31–34]
116. *Ni motër i kish pasë nônë vllaznì* (Gllanasellë, Drenicë) [Trnavci 1975: 231–232]
117. *Ô kônë ni motër* (Tërnavc, Drenicë) [Trnavci 1975: 227–228]
118. *Paj m'ish kanun Fatime devojka* (Shala e Bajgorës) [Shala 1972: 104–107]
119. *Qe një mëmë, Kish nëndë djem* (Vuno të Himarës, krahina e Elbasanit) [Çabej 1975: 93–94]
120. *Qe nji plakë që kish nëndë djelm* (Korçë?) [Шишманов 1898, № II]
121. *Shtatë vllazën ishin kenë* (Lezhë) [Këngë popullore 1955: 34–41]
122. *Të nan' vllazën si jan kanë* (Pukë–Fushë–Arrëz) [Arapi 2007: 263–265]
123. *Zot, çkaf thotë Halil Garria* (Velë–Mirditë) [Arapi 2007: 258–262]
124. *Zot, ç' ká thâtië Halil Garrija* (Северная Албания) [Visaret e kombit 1937: 252–256]

Литература и источники

Arapi 2007 – Arapi F. *Këngë të moçme shqiptare*. Tiranë, 2007. F. 7–118.

- Çabej 1975 – Çabej E. Kënga e Lenorës në poezinë populllore shqiptare // *Studime gjuhësore V. Gjuhë – Folklor – Letërsi – Diskutime*. Prishtinë: Rilindja, 1975. F. 92–96.
- Elsie 2001 – Elsie R. *A dictionary of Albanian religion, mythology, and folk culture*. London: C. Hurst & Co. Publishers, 2001.
- Kënge populllore 1955 – Haxhihasani Q. (Mbl.). *Kënge populllore legendare*. Tiranë, 1955.
- Makartsev 2010 – Makartsev M. The Elusive Evidentials in Translation: an Analysis of One Folklore Text // D. L. Dyer, O. Mladenova, T. Priestly (eds.). *Balkanistica 23. The Banff Papers*. 2010. P. 143–180.
- Shala 1972 – Shala D. *Këngë populllore legendare*. Prishtinë, 1972.
- Trnavci 1970 – Trnavci H. *Motiv o sestri i mrtvom bratu u narodnoj poeziji balkanskih naroda*. Studije, Knjiga 32. Priština: Zajednica naučnih ustanova SAP Kosova, 1970.
- Visaret e kombit 1937 – Palaj B., Kurti D. (mbl. dhe red.). *Visaret e kombit. Vëll. II. Kânge Kreshnikësh dhe Legjenda*. Tiranë, 1937.
- Vrabie 1966 – Vrabie Gh. *Balada populară română*. Bucureşti, 1966.
- Арнаудов 1920 – Арнаудов М. *Кукери и русалии. Студии върху българските обреди и легенди* // СБНУ. Кн. 34. Ч. 3. София, 1920.
- Балади 1993 – Богданова Л., Бояджиева С., Кауфман Н. и др. (ред.). *Български народни балади и песни с митически и легендарни мотиви* // СБНУ. Кн. 60. Ч. 2. София, 1993.
- Вакарелски 1977 – Вакарелски Х. *Етнография на България*. София: Наука и изкуство, 1977.
- Вакарелски 1990 – Вакарелски Х. *Български погребални обичаи. Сравнително изучаване*. София, 1990.
- Вражиновски 1995 – Вражиновски Т. *Народна демонологија на Македонците*. Скопје – Прилеп: Матица Македонска: Институт за старословенска култура, 1995.
- Георгиева 1993 – Георгиева И. *Българска народна митология*. София: Наука и изкуство, 1993.
- Геров 1977 – Геров Н. *Речник на българския език*. Т. 3. Фот. изд. София, 1977 // Геров Н. *Речник на българския език*. Т. 1–6. Фот. изд. София: Български писател, 1975–1978.
- Иванов 2007 – Иванов Вяч. Вс. Балканские имена «вурдалака» и их происхождение // Николаева Т. М. (отв. ред.). *Балканские чтения 9: Terra Balkanica. Terra Slavica. К юбилею Татьяны Владимировны Цивьян*. Москва, 6 февраля 2007 года. М.: Институт славяноведения РАН, 2007. С. 70–79.
- Икономов 1968 – Икономов Н. И. *Балканска народна мъдрост. Успоредици на български, сръбски, турски, румънски, гръцки и албански*

- пословици и поговорки. София: Издателство на Българската Академия на Науките, 1968.
- Керемидчев 1954 – Керемидчев Г. *Народният певец дядо Вicho Бончев*. София, 1954.
- Макарцев 2009 – Макарцев М. М. Финал «Баллады о мертвом брате»: пересказ, переключение кода и превращение // Седакова И. А. (отв. ред.), Макарцев М. М., Сиднева С. А., Цивьян Т. В. *Переходы. Перемены. Превращения* (= Балканские чтения 10. Тезисы и материалы. 31 марта – 2 апреля 2009 года). М., 2009. С. 169–176.
- Макарцев 2010 – Макарцев М. М. От мертвого к живому: метаморфозы в балканской «Балладе о мертвом брате» // Завьялова М. В., Цивьян Т. В. (сост.). *Топоровские чтения I–IV. Избранное*. М.: Пробел-2000, 2010. С. 181–194.
- Макарцев 2011a – Макарцев М. М. Цвет и свет в балканославянских и албанских вариантах «Баллады о мертвом брате» // Макарцев М. М., Сиднева С. А., Цивьян Т. В. *Балканский спектр: от света к цвету* (= Балканские чтения 11. Тезисы и материалы. 22–24 марта 2011 года). М.: Пробел-2000, 2011. С. 105–113.
- Макарцев 2011b – Макарцев М. М. Растворительный код в «Балладе о мертвом брате» // Завьялова М. В., Седакова И. А. (отв. ред.). *Salix sonora. Памяти Николая Михайлова*. М.: Институт славяноведения РАН, 2011. С. 232–253.
- Миладинови 1981 – Миладинов Д., Миладинов К. *Български народни песни*. София, 1981.
- Минков 1956 – Минков Ц. (сост.). *Мене ме, майко, змей люби. Митически народни песни*. София, 1956.
- Мифы народов мира 1987 – Токарев С. А. (гл. ред.) *Мифы народов мира*. Т. 1: А–К. М.: Советская энциклопедия, 1987.
- Михайлов 2007 – Михайлов Панчо (съст.). *Български народни песни от Македония* / Под ред. на Тодор Моллов. Варна: LiterNet, 2007. [Электронный ресурс]: специализиран портал за литература и хуманистика LiterNet. URL: http://litternet.bg/folklor/sbornici/p_mihaylov/content.htm (дата обращения: 19.06.2012).
- Ненов 2004 – Ненов Н. *Табачка. Теренни материали и проучвания*. София: асоциация за антропология, этнология и фольклористика «Онгъл», 2004.
- Ничева и др. 1974, 1975 – Ничева К., Спасова-Михайлова С., Чолакова Кр. *Фразеологичен речник на българския език*. Т. 1. София, 1974. Т. 2. София, 1975.
- СБНУ – *Сборник за народни умотворения, наука и книжнина*. Кн. 1–26. София: Българското книжовно дружество. 1889–1912. *Сборник за*

- народни умотворения и народопис. Кн. 27–60. София: Издателство на БАН, 1913–1993.
- Седакова 2004 – Седакова О. А. *Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян*. М.: Индрик, 2004.
- Славейков 1982 – Славейков П. Р. *Съчинения. Пълно събрание*. Том VI. Български притчи или пословици и характерни думи. София, 1982.
- Славянские древности 1995 – Толстой Н. И. (ред.). *Славянские древности*. Этнолингвистический словарь под редакцией Н. И. Толстого. Т. 1. А–Г. М.: Международные отношения, 1995.
- Славянские древности 1999 – Толстой Н. И. (ред.). *Славянские древности*. Этнолингвистический словарь под редакцией Н. И. Толстого. Т. 2. Д–К. М.: Международные отношения, 1999.
- Славянские древности 2004 – Толстой Н. И. (ред.). *Славянские древности*. Этнолингвистический словарь под редакцией Н. И. Толстого. Т. 3. К–П. М.: Международные отношения, 2004.
- Службы 1993 – Службы первой седмицы Великого Поста. М.: Издательство Московской Патриархии, 1993.
- Спировска, Вражиновски 1988 – Спировска Л., Вражиновски Т. *Вампирите во македонските верувања и преданија* (Македонско народно творештво. Народни верувања и преданија. Кн. 2). Скопје: Институт за фолклор «Марко Цепенков», 1988.
- Спространов 1900 – Спространов Е. Народен календар от Охрид // *СБНУ*. Кн. 16–17. София, 1900. С. 24–30.
- Стоилов 2000 – Стоилов А. П. *Македонски народни умотворби* / Сост. и ред. М. Китевски. Скопје, 2000.
- Стойнев 2006 – Стойнев А. (съст.). *Българска митология. Енциклопедичен речник*. София: Захарий Стоянов, 2006.
- Толстая 2008 – Толстая С. М. Бренное тело, или Из чего сотворен человек // Толстая С. М. *Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе*. М.: Индрик, 2008. С. 297–308.
- Цивъян 1999 – Цивъян Т. В. Прорыв иного мира через око – окно // Цивъян Т. В. *Движение и путь в балканской модели мира*. М., 1999. С. 330–337.
- Цивъян 2008а – Цивъян Т. В. Мотив суда / спора цветов в балканском фольклоре и «одористический код» в античной традиции // Цивъян Т. В. *Язык: тема и вариации. Избранное*. Т. 1. М.: Наука, 2008. С. 221–227.
- Цивъян 2008б – Цивъян Т. В. Птицы-«курьеры». Мотив связи верхнего и нижнего мира в балканской перспективе // Цивъян Т. В. *Язык: тема и вариации. Избранное*. Т. 1. М.: Наука, 2008. С. 271–279.

- Цивъян 2009 – Цивъян Т. В. *Модель мира и ее лингвистические основы.*
M.: URSS, 2009.
- Шапкарев 1973 – Шапкарев К. А. *Сборник от български народни умотворения в четири тома.* Т. 4. Български приказки и вярвания /
Под ред. на Стефана Стойкова. София: Български писател, 1973.
- Шишманов 1898 – Шишманов И. Пѣсеньта за мъртвия братъ въ поезията на балканскитѣ народи // *СбНУ.* Кн. 15. Ч. 2–3. София, 1898.
C. 1–186, 449–600.

УДК 811.18
ББК 81.2

Современная албанистика: достижения и перспективы.
Сборник статей / Ин-т лингвистических исследований РАН.
СПб.: Нестор-История, 2012. – 464 с. + 8 с. вклейк
ISBN 978-5-905986-61-1

Сборник базируется на материалах Международной научной конференции «Современная албанистика: достижения и перспективы», проведенной совместно Филологическим факультетом СПбГУ и ИЛИ РАН 26–29 сентября 2007 г. Издание предназначено для специалистов по албанистике и балканistique.

Редколлегия :

М. В. Домосицкая, А. В. Жугра, М. С. Морозова, А. Ю. Русаков

Утверждено к печати

Институтом лингвистических исследований РАН

Издание подготовлено при финансовой поддержке
РГНФ – грант № 11-04-00231а «Островные и периферийные диалекты
балканских языков: грамматика и лексика»

ISBN 978-5-905986-61-1

© Коллектив авторов, 2012

© ИЛИ РАН, 2012

© Редакционно-издательское оформление.
Издательство «Нестор-История», 2012